

Излагается авторская интерпретация значений и смыслов важных элементов архитектуры – порога и портала. Используя образы и приемы мифосимволики, этнографии, поэтики архитектуры, феноменологии пространств и субстанций, автор делает попытку уйти от функционально-типологических представлений и описаний архитектуры.

Ключевые слова: порог в архитектуре; портал; феноменология архитектуры; семантика архитектуры; образы; смыслы в архитектуре. /

The author presents his interpretation of the meanings of such important elements of architecture as a threshold and a portal. Using the images and techniques of mythosymbolics, ethnography, architectural poetics and phenomenology of spaces and substances, the author tries to avoid functional and typological representation and understanding of architecture.

Keywords: threshold in architecture; portal; phenomenology of architecture; semantics of architecture; images; meanings in architecture.

< Portara. VI в. до н. э., Греция, остров Наксос

> Рига, вход в дом в центре, вторая половина XIX в. Фото П. Капустина

Порог. Портал / A Threshold. A Portal

текст

Петр Капустин /

text

Petr Kapustin

Порог

Порог – особая и загадочная часть Дома. Часть ли даже? Порог живет сам по себе, как бы отдельно от Дома, но и в непосредственном соединении с ним, разумеется. «Неразрывно и неслиянно»? Нет, скорее формула священного символа здесь вывернута наизнанку: разрывно и слиянно; неотделимо, но автономно. В этом можно видеть проявление своевольной магии порога.

Порог в «архитектурно-оформительском» смысле, т. е. в смысле архитектуры как пресловутой «организации пространства», есть артикуляция входа, а еще более концептуально и минималистично – обыгрывание перехода черты, границы. «Сколько феноменологических изысканий следовало бы посвятить темному отверстию входа!» – восклицал Гастон Башляр [1]. Но отверстие – не архитектурная тема, оно лишь предлог. Порог есть драма архитектурных форм по поводу входа: разделения и связи различных пространств и состояний, конца пути (предел – одно из значений порога) и преддверия – начала чего-то нового, предчувствия пребывания в Доме.

Порог окружен ритуалами и бытовыми поверьями, поговорками и приметам. «Взойти на порог», «начать с порога», «выгнать за порог», «не пустить на порог», «вымести за порог» – лишь часть из них, но уже в них можно почувствовать значимость Порога для экзистенциальных процессов и событий, его миссию ценностного выбора, фильтрации, контроля. Если архитектура что и организует, так это не пустоту пространств, но такие вот сущности, придавая им это-вот-существование.

Но порог – не есть Место. Порог может символизировать или функционально означать место, но он трансцендентен месту. Он есть проявление перехода из неместа в место. Это проявление – магическая задача; проявить – явить в «рго»-залоге, сделать явным не латентно существующее, но возможное; осуществить проектность проявления.

Порог делает собственно порогом движение, идущий (в т. ч. и в самой возможности движения). Идущий активизирует Порог. Равно как и тот, кто перейти его не может. Т. е. порог интенционален, он не имеет объектного существования, он появляется в направленности сознания. Поэтому:

– порогом может быть разное;

– типологические или морфологические описания порогов не имеют собственного смысла вне феноменологической интерпретации: как архитектурные детали они мертвы (боюсь, это справедливо для всех элементов жилого дома и традиционной архитектуры вообще. Но для порога интенциональность еще и динамична, транзитивна).

В пороге как входном портале можно чувствовать некую мембрану, натянутую на его просвет; она реагирует на движение.

Порог, несомненно, «эрогенная зона» дома, используя образ Ч. Дженкса. Эротизм в теме порога разнообразен и вряд ли еще до конца изучен. Гендер порога также представляет интерес. При явном преобладании женского начала в русском языке лишь одна из ключевых частей Порога имеет женский род – Дверь. Но и другие языки не спешат раскрывать женскую природу Входа в Дом; вероятно, это табу, продиктованное заботой о безопасности.

Сквозь порог, портал, разумеется, еще осуществляется и выход – в Мир. Но тема входа доминирует, т. е. наличие анизотропии портала (когда он – часть здания).

Пороги, как и порталы, пропилены и т. п., быстро освобождаются от власти своих авторов-строителей, гораздо быстрее и сильнее, нежели остальные сооружения, даже храмы. Эта раскрытость для потоков, реагирование на многих и разных акторов движения, актуализирующих порог, размывает авторство; порог должен быть независим от того, кто его породил – построил.

Порог – это движение и по горизонтали, и по вертикали, поэтому его формула: портал+ступень. Здесь есть не только топологическое или векторное разделение, но и семантическое и феноменологическое усиление, совместность и содружество (архитектурно разыгрываемое как композиционное единство). Значима и площадка между этими двумя частями, а также нельзя забыть дверь и навес.

Портал

Автономия порога хорошо видна в руинах. Дом, здание с разрушенным входом (а вход – всегда порог), с дырой вместо порога, выглядит гораздо более страшной руиной,

5
Pöytäkirja
19. 11. 1924

1-10

^ Старинное крыльцо-рундук на станке Сумарокова в Туруханском крае

v Фото Сергея Астапова

нежели отдельно стоящий портал, если это все, что осталось от здания (как Portara на острове Наксос). Первое – просто труп, ужасно изуродованный, второе же – образ для романтиков вроде Каспара Давида Фридриха, место паломничества. Это пример, когда часть больше целого, или, по крайней мере, способна целое репрезентировать. Она позволяет вступать в почти полноценный контакт с утраченным зданием, в то время как несравненный ужас охватил бы нас на улице из прекрасных зданий, не имеющих ни одного входа: для кого они? (Или – иначе – кто мы?) Этот ужас в духе Кафки или Гоголя можно, с известной долей воображения, испытать ночью на улице зодчего Росси в Санкт-Петербурге, где, вопреки замыслу автора, заложены почти все арки нижнего яруса. Кстати: закладывание входа, ликвидация порога, как и пробивка нового входа там, где его не было и, казалось бы, и быть не могло – наиболее распространенные акты адаптации здания к меняющимся условиям использования. Но они же – лучшие свидетельства независимости Порога от воли архитектора, автора (или мнящего себя автором) Дома. Впрочем, возможно здесь мы имеем дело со своеобразным Стены: «Вес стен закрывает все двери». Эту фразу Поля Элюара Г. Башляр поставил эпиграфом к главе «Лабиринт» в книге «Земля и грезы о покое» [2].

Пирамиды, лишённые входов, пугают, а ворота посреди поля опознаются скорее элегичными и влекущими. Триумфальная арка вполне автономна и самодостаточна, она не предполагает какого-либо объема, пристроенного к ней; она сама организует значительное городское пространство, подчиняет его себе.

Портал в центре природного ландшафта (в центре всегда потому именно, что им же центр и задается!). Те же ворота Portara – гигантский вход в отсутствующее святилище Аполлона – открывает еще одну сторону Порога, всегда находящуюся перед глазами, но не всегда видимую. Парадокс в том, что сторона эта – как раз зрение, организация зрения. Можно ли «организовать пространство» архитектурными средствами – вопрос открытый, как и само пространство. Но ими точно можно организовать зрительное восприятие, задав сценарий, или, как в случае с Portara, раму. Такие рамы становятся обязательным условием зрительного восприятия всего

окружающего ландшафта; их раскадровка определяет и приоритетные виды, и оси, и точки зрения, чем, собственно, организуется уже и сам ландшафт, пространство. Этим минимальным архитектурным средством задается и норма присутствия в Месте, и масштаб Места, без него безликого и мелкого; самый воздух уплотняется, проходя сквозь мраморный прямоугольник.

Смотрение сквозь раму – прерогатива окна, понимается; входной же портал (не отождествляясь вполне с порогом, являя компоненту сложной системы порога) не столько похищает у окна его функцию, сколько заимствует на время, вовлекает ее в движение сквозь себя – движение, которое в общем виде не предусмотрено, а нередко и прямо запрещено окном. Но движение через портал не слепо. Другое дело, что взгляд сквозь портал входа (если это не Рама триумфальной арки и т. п., но функциональный элемент здания) является столь же редким событием, как и лазание в окно. Зрение здесь привлекается служебным образом, что вовсе не означает отсутствие внимания к визуальной оформленности самого портала. Но вот вид из портала или же в портал, внутрь здания, привлекает, скорее, живописцев и фотографов, чем архитекторов, для которых такие виды – лишь антураж или, в лучшем случае, значимая для ансамбля пустота, как интерколумний или просветы между балясинами. Но вид этот плохо осознается и мало ценится и жильцами дома, предпочитающими смотреть в окна, а порог держать «на замке». Здесь, очевидно, действуют древние архетипы, скорее всего связанные даже не с безопасностью, а с антропоморфизмом архитектуры. Всмотрении сквозь входное отверстие здания – в любую из сторон – есть что-то неуничтожимо порнографическое.

Площадка

Что значит взойти на порог? Закончить долгий путь. Отряхнуть с себя пыль дорожную. Возблагодарить Небо за позволение оказаться здесь (отсюда вертикальный подъем, пусть и небольшой). Оставить позади переживания пути и восстановить свои цели и ценности, которых ради тяготы приняты были. Подготовиться ко входу. Известным образом изменить себя, тем самым. Предчувствовать встречу с людьми, и с ними – нового мира (мира семьи, а

каждая семья – это планета). Готовность к вступлению в новый мир фатально противостоит монотонности дороги. Но можно и повернуть, продолжить путь... Все решается здесь и теперь, на Пороге. А точнее – на площадке перед входом, но после подъема – отстранения от пути.

«Здесь и теперь» – это хронотоп. Порог, ежели он, в самом деле, не Место, или не вполне Место, то он, несомненно, узловая точка Пути, его кульминация. Преддверие. Но к хронотопу сегодня накопилось немало претензий. Первая из таких претензий – ситуативная природа хронотопа. В самом деле, архитектура, вроде бы, искусство вневременное; она принадлежит Истории (или, скорее, История принадлежит Архитектуре), она символизирует даже не Время, но Вечность. А тут вдруг – ограниченность площадки для принятия решений; решений, возможно, экзистенциально значимых, а ограниченность выступает и как темпоральная, и как пространственная. Какие-то силы (античные парки, видимо) втягивают архитектуру в игры, которых она, кажется, хотела бы избежать. Но нет: это мы по лени душевной стремимся избегать ограничений и выбора, Архитектура же обожает масштабные столкновения и ритмические сбои. Мимолетность и Вечность вступают в аннигиляцию на площадке Порога, они взаимоуничтожаются, порождая Место. Всякий раз порождая, как только мы имеем дело с Порогом. Как только мы входим в Дом – он воссоздается наново. Как только выходим из Дома – воссоздается Мир.

Энергию аннигиляции разносит экспрессия архитектурных форм, тем более сильная и артикулированная, чем более значимые встречи времен и масштабов происходят на площадке Порога или же чем чувствительнее к таким встречам архитектурские интуиция и воображение. Порталу от этой экспрессии достается гораздо больше; он – излюбленная архитекторами всех времен «тема». А площадка как бы исчезает, уступает зримости предстоящего нам Портала своей незаметностью под ногами. Но не зря именно ее, утилитарную площадку, чаще всего и именуют собственно порогом – без нее не обойтись. В структуре Порога все подчинено ей.

Вход в Дом через веранду двусмыслен: с одной стороны, отвлекает от самого акта входа со всеми набросанными выше оттенками (и многими другими, несомненно).

На веранде – скамейка, «чтобы мог подумать каждый, нужен ли он кому-то тут...». С другой же стороны, такой вариант обладает «заманивающим» свойством: мы уже почти в Доме, почти вошли, выбор оказывается смазан, а вхождение мягко подменено «втеканием». Архитектура знает немало приемов размытого или дискретного входа и использует их, когда надо преодолеть сомнение входящего или его сопротивление, или же когда степень изменения (очищения, посвящения) входящего должна

быть высока и недостижима в одном хронотопе. Тогда разворачивается целый линейный сценарий (таковы храмы Верхнего Египта). Веранда (здесь: гипертрофированная площадка входа) – может быть отнесена к числу простейших из таких приемов. В известном смысле, она выражает определенное отношение хозяина Дома к своим посетителям.

Но не хуже выражает отношение и короткая площадка порога, шириной с проступь (СНиП оставим в стороне от нашего предмета). Тут нам как бы сообщают: нечего думать, коли на нее уже встали – заходите! Рядом с грандиозным ордерным порталом на мощной и неприступной стене такая площадка вызовет чувство обреченности и ничтожности входящего, а перед убогой хижинной она же обращает подобные чувства в сторону обитателей. Напротив, широкая и высокая платформа в первом случае придает входящему больше достоинства, а во втором – позволяет предположить, что обитатели не так уж просты. Своя форма насилия над волей входящего присуща и большим, и малым площадкам входа. Найти гармонию – искусство, поскольку сочетания пропорций, места, материалов, форм, нравов и прочего чрезвычайно разнообразны и всякий раз индивидуальны.

И еще: возможно, в размере площадки входа – собственно порога – закодировано ожидаемое от вас время вашего нахождения в Доме. Узкий порог негостеприимен; здесь от вас хотят быстро избавиться (потому и приглашают по-быстрому), а «гульбище» располагает к растянутому во времени пребыванию, ко многим состояниям присутствия, сменяющим друг друга, как блюда на званом пире.

Ступени

О ступенях кое-что сказано выше, в том числе о том, что это ступени только вверх. Если надо войти в землянку, бомбоубежище или другое подземелье, это все равно ступени вверх. А уж после площадки – куда там надо дальше. И вопрос, действительно, отнюдь не только в ливневых водах. Когда мы сходим с дороги вниз, мы неизбежно попадаем в inferнальное. Дорога и сама-то не проста и небезобидна в отношении мифологических и символических смыслов, а уж если с нее вниз...

Дом доброго человека не может позволить себе располагаться в низу Мира. Внизу – нечеловеческие низшие существа и их обиталища. Но помещения ниже нулевой отметки далеко не обязательно inferнальны, и там тоже могут жить вполне добрые люди. Именно порог и решает все. А точнее – его ступени, заданный ими импульс подъема над дорогой (в этом смысле весь внешний мир – Дорога), импульс, далее подхватываемый и разыгранный площадкой, порталом, дверью и всем домом. Плох тот дом, в котором нет чердака (символа надсознания), но плох и тот, в котором нет подвала, подземелий: как человек не жив без бессознательного (а бессознательное – без подсознательного), так и Дом полноценен лишь в совмещении верха и низа.

Отношение верха и низа в Доме, человеческом жилище, вряд ли амбивалентно. Где преобладают ценности, где правит бал ценностная рациональность, там нет амбивалентности, по крайней мере, ярко выраженной (впрочем, когда амбивалент-

ность выражается ярко?!). Возможно, это умаляет магию Дома (А. Г. Раппапорт не без оснований утверждает, что магия амбивалентна), но в любом случае делает ее «мягче», приручает и одомашнивает, как кошку.

Вертикальное движение в Пороге имеет и отрицательные измерения, но это измерения воображения: обереги от зла, закапываемые жильцами под порог, «подклады», подбрасываемые туда же недоброжелателями, а также и случайно (если здесь можно вообще говорить о случайности) завалившиеся предметы обихода и пр. Это вещи разного происхождения и разной силы, их наличие делает и без того непростую в эзотерическом смысле конструкцию порога и вовсе уж шатулкой с чудесами. В общей топографии Порога о них умолчать нельзя. Но и говорить о них предоставим другим и в другом месте.

Наконец, под порогом может жить домовая (чем многое в эзотерике порога объясняется). Там он обитает, потому что порог, кроме прочего, это еще и щель между мирами, щель «сшитая», но никогда не преодоленная вполне.

Подъем на площадку порога может составить одну ступень (роль которой может выполнять и деревянный чурбак), а может вырасти в целую лестницу; но у лестниц – своя мифология. Лестницы наиболее остро воспринимают дети и запоминают впечатления на всю жизнь, заново переживая их иной раз в снах. Напротив дома моего детства был (и пока еще есть) двухэтажный дом с удивительной, фантастической, невозможной деревянной лестницей в деревянном же крыльце – сплошном коробе с крышей и стеной с кривыми окнами, спускавшемся со второго этажа, где жил мой приятель. Мне приходилось часто подниматься и спускаться (что было едва ли не страшной) по ней, по бесконечному потоку скрипучих ступеней. Разумеется, ни промежуточной площадки, ни перил не было. Все крыльцо казалось живым и готовым отчалить от дома вместе со мной. Это головокружительное предприятие навсегда оставило в душе некий индивидуальный «миф предмета», который уже не позволяет относиться к лестницам как к утилитарным средствам вертикальной коммуникации.

Дверь

Центром портала, да и всего Порога, как ни крути (в фигуральном смысле – как ни накручивай ордерные и прочие композиции вокруг отверстия входа), все же является дверь. Она, собственно, и есть та деталь, ради которой существует Порог, но назвать дверь деталью – существенно принизить ее статус (культуролог назвал бы этот статус онтологическим, но мы не будем впадать в натурализм). Дверь – едва ли не лицо дома. Быть лицом – это миссия. У лица домов разворачивается улица – Дорога, и более чем дорога, связывающая индивидуальности в единство; нитка в полотне Города.

Семантика русского «дверь» может быть вольно интерпретирована как требование не принимать на веру надежность двери; ее необходимо проверить (про-верь) и артикулированно обеспечить.

«Какое множество грез надо было бы рассмотреть при простом упоминании о Двери! Дверь – это целый космос Приоткрытого!» [3]. Гастон Башляр предпочитал видеть дверь в переходном состоянии между открытостью настежь и запертостью на замок. Башляру такое состояние представлялось заманчивым, обещающим открытия, манящим – возможно, оттого, что он брал дверь изолированно, но это иллюзия. Как мы видели, вокруг двери как архитектурной темы и без того столпилось очень много переходных состояний и двусмысленностей; так стоит ли приоткрывать еще и дверь?

Дверь в норме все же – закрыта, чем и достигается преткновенность взгляда, описанная выше. Дверь – мате-

риализация чувствительной мембраны, натянутой на раму портала, ее незатейливый механический субститут. Она отсекает нужное от ненужного, проводит непрерывную селекционную работу, по поводу чего Бруно Латур замечает, что не будь двери, нам пришлось бы проделывать много лишней и бессмысленной работы, а многие наши дела и планы и вовсе оказались бы неосуществленными [4].

Но дверь отнюдь не проста. В известном контексте она может стать семантическим заместителем Дома, быть может, даже его символом. Сказка о медведе, охранявшем дверь посредством таскания ее с собой по лесу, довольно поучительна. Но все же двери охраняют не медведи; двери подчиняются домовому, с которым стоит иметь хорошие отношения, дабы избежать его вредности («вредь» – анаграмма слова «дверь»).

Навес

Собственно, навес (крыша) и делает порог крыльцом. Навес устраивается над площадкой и лестницей (лестницами). Этимология слова «крыльцо» не случайна: в богатых русских домах высокие лестницы поднимались с двух сторон (слева и справа), образуя «крылья». Его конструкция предполагает, как правило, появление опорных столбов, колонн или стенок, что в совокупности со всем остальным превращает Порог в подобие Дома – в теремок, предвещающий своего большого собрата. Эта магия удвоенный, двойничества, семантических замещений и подстановок части вместо целого, часто нам здесь встречающаяся, характерна для архаических традиций, их ритуалов и ремесел – т. е. органична тому миру воображения и практики, которому генетически принадлежит Дом.

Навес – это еще и сень, элемент, отсылающий к типологии сакральных архитектурных объектов, намекающий на алтарь. Сень – символ присутствия божественного. Тем самым сверху, сакральным, уравнивается и нейтрализуется инферальная подпорожная активность. Но напряжение, понятно, не снимается; Порог – локус столкновений.

В своем полном виде, в виде крыльца, Порог уже воочию обретает все качества микромоделей Мира, поскольку в нем присутствуют горизонтальное/вертикальное (в т. ч. движение); верхнее/нижнее; внешнее/внутреннее; большое/малое; там/тут; свое/чужое; пустое/наполненное; правое/левое. Можно и продолжить: Я/не-Я. Место (среда)/пространство... Мировое Дерево прорастает сквозь Порог.

Литература

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. – М. : РОССПЭН, 2004. – 376 с. – С. 121
2. Башляр Г. Земля и грезы о покое. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2001. – 320 с. – С. 195
3. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. – С. 120
4. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери [Электронный ресурс] BIBLIO/archive/latur_gde/

References

- Bachelard, G. (2001). *Earth and Reveries of Repose (La terre et les rêveries du repos, 1946)*. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury.
- Bachelard, G. (2004). *Selected: The Poetics of Space (La poétique de l'espace, 1958)*. Moscow: ROSSPEN.
- Latour, B. (2006). *Where is the missing mass? The Sociology of a door*.
- V. S. Vakhshayn (Ed.). *Sociology of things*. Moscow: Territoria budushchego.

^ Яцек Йерка (Jacek Yerka, р. Яцек Ковальски). Хабитат. 1999. [Электронный ресурс] <http://yerka.org.ru/>